

Аннушка-несмеянушка

У одного купца была дочь Аннушка-несмеянушка; и собрал он (отец) всех купцов и господ и всех, всю чернь собрал к себе в дом: «Кто мою дочь рассмеет, за того замуж отдам». Что народу рассмеивали ее со всякими музыками, гармониями и не могли ее рассмеять! Вот отец пошел на двор вон из комнаты; за ним собака скочила, бросилась по горнице. Она (Аннушка-несмеянушка) и засмеялась, говорит: «Смотрите, папенька, собака-то, говорит, по комнате прыгает!» Принуждено дочь за собаку замуж отдавать. Ну, что делать, отдал замуж. Свадьба была какая отличная!...

Вот повели их спать класть; он (жених) взял свою шкуру с себя снял, да за столбышек положил, да и ушли спать. Вот легли они спать; а тут ее тесть на конное окно ножей натыкал, сам взял печку затопил да его шкурку-то и сжег. Он (жених) лежит да и говорит: «Ах, говорит, друг мой Аннушка! Что это, говорит, паленым пахнет?» Все это тоскует. Тут пошли их подымать; подняли их, она идет в дверь, а он в окно прыгнул, анды всю себе грудь и распорол на ножи-то. А сам взял да ушел: «Ну, прощай, друг мой Аннушка! Ищи меня через три года».

Три года прошло; Аннушка пошла его искать, своего мужа. А он то был собакой, то обратился человеком. Вот она пошла искать; шла, шла пришла к избушке: стоит избушка на курьих лапках, на веретенных пятках повертывается. «Избушка, избушка! Стань по-старому: к лесу задом, ко мне передом». Вот избушка повернулась, она взошла в эту избушку; там живет баба-яга, костяная нога, нос железный. Она и говорит: «Здравствуй, тетушка!» — «Здравствуй, Аннушка-несмеянушка». Она сама (баба-яга) лежит на печке, а ноги в потолок уперла. Она это (Аннушка-несмеянушка) поклонилась; она ее посадила, накормила. «Куда, говорит, ты идешь?» — «Мужа искать: вот уж три года прошло». — «На´ вот тебе синенький клубочек: куда он покатится, туда ты и иди!»

Она шла, шла, пришла: стоит избушка на куриных лапках, на веретенных пятках повертывается. «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом». Избушка повернулась; она взошла. А тут жила женщина, хорошая такая. «Здравствуй, тетушка!» — «Здравствуй, Аннушка-несмеянушка!» Она дала ей золотое блюдечко. Тут она опять пошла; шла, шла, пришла к избушке на куриных лапках. Избушка повернулась. Она взошла, а там баба-яга, костяная нога, нос железный; сама лежит на лавке, а зубы на печи. Аннушка-то испугалась, стала за вешалку. Баба-яга и говорит: «Что русским

духом пахнет? Скажись, кто там, а то съем». — «Я, говорит, тетенька!» — «Что ж ты боишься? Иди ко мне!» Она к ней подходит, покормила ее; она ест, не ест, сидит; страх взял: эдакое страшилище. Она дала ей щетку, проводила ее. «Куда твоя щетка покатится, там твой муж». Вот эта щеточка покатилась, она за ней пошла.

Приходит: там на речке девушки рубашки моют. Три года рубашку мыли, кровь не отполоскали. Она как взяла это, полоснула, так вся кровь и отскочила. Вот они (девушки) приходят, рассказывают: «Что такое? Мы три года мыли, кровь не отмыли;. Идет женщина, говорит: „Бог помочь! Что вы делаете?“ Взяла рубашку, как один раз полоснула, так вся кровь и отскочила!» Он и думает: «Это, верно, моя прежняя жена!» — «Подите, говорит, позовите ее сюда». Вот она взошла; они тут друг друга узнали, а знать не подали никому (т. е. не показали виду).

Вот она сидит это у них же в комнате, занимается щеточкой и гребенкой. А уж он женился еще на другой жене, уж у них и ребеночек, мальчик. Она забавляется щеточкой, а маленький плачет, просит, значит, себе щеточку. А эта жена вторая-то и говорит: «Послушай, говорит, продай мне эту щеточку: что она стоит, я тебе заплачу!» Она и говорит: «Мне никаких денег не надобно, а позвольте мне ночь в ногах у вас простоять». Та согласилась. Вот ночью и закричала Аннушка-несмеяннушка: «Друг мой изменщик! Я, говорит, три года ходила, три костыля избила, три просфирочки изгрызла, трои башмаки избила».

На другой день она клубочек катает по тарелке, забавляется. Мальчик опять стал просить, хочется ему играть. Стала она опять покупать; Аннушка-несмеяннушка и говорит: «Мне, говорит, никаких денег не надо, а позвольте мне ночь в ногах у вас простоять». Та согласилась. Вот она ночью опять то же и кричит: «Друг мой изменщик! Я, говорит, три года ходила, три костыля избила, три просфирочки изгрызла, трои башмаки избила». Сверх того, муж-то взял со второй распротился, уехал с первой к отцу к матери, и стали они жить да добра наживать.